

В.В. ШИМОВ,
КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

РОССИЯ И РУССКИЕ КАК ФАКТОР БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рассматриваются культурные и политические связи Беларуси и России как факторы формирования белорусской национальной идентичности.

The paper deals with the cultural and political relationships of Belarus and Russia as the factors of formation of the Belarusian national identity.

Опыт совместного проживания с русскими в одном государстве остается по-прежнему значимым для белорусов. Беларусь в значительной степени остается в общем с Россией культурно-языковым и информационном пространстве, и это является предметом оживленной общественной дискуссии. Влияние России и русских на Беларусь (как в исторической ретроспективе, так в настоящем и будущем) оценивается крайне неоднозначно. Разброс мнений варьирует от радикальных последователей национализма, утверждающих непримиримый национально-культурный антагонизм между Беларусью и Россией, до сторонников западнорусизма, считающих белорусов неотъемлемой частью «триединого русского народа» наравне с велико- и малорусами (украинцами).

Столь несхожие интерпретации российско-белорусских отношений закономерно порождают несхожие и даже взаимоисключающие образы белорусов как национального сообщества. Это навело ряд исследователей на мысль об отсутствии единства в белорусском культурно-политическом пространстве и его фрагментированности. Н. Лещенко¹ пишет о феномене «неосоветского» сознания (в том числе и в ориентации на политико-культурный союз с Россией) и противопоставляет носителям прозападной «национальной» идеи. Историк О.Г. Буховец² пишет о борьбе между западнорусизмом и белорусским национализмом за правообладание белорусским национальным дискурсом, а также о неочевидности исхода этой борьбы. О противостоянии прозападного национализма и сторонников политического союза восточных славян на культурно-цивилизационной основе пишут В.А. Мельник³ и Я.И. Трещенок⁴.

Однако причины подобного национально-идеологического раскола остаются до конца не выясненными: авторы либо ограничиваются его констатацией, либо выступают с идеологически ангажированных позиций, что приводит к разделению альтернативных национально-политических концепций на «свои» и «чужие», «правильные» и «неправильные».

Говоря об альтернативных концепциях российско-белорусских отношений, мы будем иметь в виду «прозападный» белорусский национализм и западнорусизм как наиболее удобные для анализа «идеальные типы», поскольку все прочие варианты находятся между этими двумя идеологическими полюсами.

Западнорусизм в «чистом» виде в современной Беларуси практически отсутствует, поскольку за период советской власти эта идеология была основательно дискредитирована как «шовинистическая» и отрицающая существование самостоятельной белорусской нации. Тем не менее все «пророссийские» идеологические построения и по сей день основываются на западнорусском дискурсе, апеллирующем к эксклюзивной культурно-цивилизационной близости восточнославянских народов. Однако сама тема западнорусизма остается во многом табуированной, что не позволяет осмыслить это явление должным образом. Между тем адекватное осмысление феномена западнорусизма позволяет по-новому взглянуть на всю схему национального генезиса белорусов.

Основным тезисом классического западнорусизма было утверждение национального единства бело-, мало- и великорусов на базе культурно-

языкового, религиозного и государственного наследия Киевской Руси. Западнорусы утверждали, что национальное единство восточных славян не прерывалось и после разделения Древней Руси между Москвой и литовско-польским государством, а идея воссоздания общерусской государственности пережила испытание многовековой политической разобщенностью и вновь воплотилась в жизнь уже в рамках Российской империи.

В современной Беларуси о западнорусизме распространено мнение как об официальной имперской идеологии, направленной на ассимиляцию белорусов. Действительно, его сторонники в своем большинстве были лояльными верноподданными Российской империи и православными монархистами по убеждениям. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что в западнорусских текстах нередко присутствует пусть и очень осторожная, но критика имперских властей, причем критика, указывающая на противоречивость и непоследовательность политики по поддержке «русских элементов» в крае. Основным недостатком имперской политики, по мнению западнорусов, было стремление к компромиссу с польской аристократией, в том числе ценой уступок в сфере национально-культурного влияния на белорусское население. Так, все западнорусские авторы отмечают, что именно под властью России своего пика достигла полонизаторская тенденция на белорусских землях (вплоть до 1830-х гг.). Они указывают на многочисленные факты полонофильства и нерадения за «русское дело» со стороны имперского чиновничества, а также на попытки достичь неприемлемого с точки зрения западнорусизма компромисса с поляками уже после того, как доктрина «русского дела» стала доминирующей в российской политике⁵. Таким образом, налицо определенное несоответствие ожиданий западнорусов и реальных действий имперских властей. Это позволяет утверждать, что западнорусизм был не результатом обдуманной политики Российской империи, а гражданской инициативой снизу, и интересы этого гражданского движения и империи были далеко не всегда тождественны.

Государственное устройство Российской империи до конца своего существования сохраняло черты феодальной сословной монархии, опиравшейся на поддержку региональных привилегированных сословий, которые, признавая власть российского императора, могли сохранять многие традиционные культурно-языковые и политико-правовые особенности своей жизни. С этой позиции понятны попытки Российской империи найти общий язык с польским аристократическим меньшинством на белорусских землях и сделать его опорой своей власти в крае. Идея нации как внесословного сообщества, объединенного общностью культуры, языка, истории, была во многом чужда российскому государству. Между тем западнорусизм был именно национальным движением и исходил из интересов национальной группы (белорусов как части «триединого русского народа»), а не баланса интересов разноэтнических аристократических групп. Российская империя сделала ставку на западнорусизм лишь тогда, когда стала очевидной враждебность польской шляхты (восстания 1831 и 1863 гг.), но и после этого не могла до конца отказаться от традиционной сословной политики.

Представление о западнорусизме как о национальном движении, возникшем внутри белорусского общества, заставляет нас серьезно пересмотреть схему белорусского национального генезиса, в соответствии с которой обособление белорусов от прочих восточных славян в качестве самостоятельной этнополитической группы произошло уже в XIV–XV вв. Очевидно, полного этнополитического обособления не было и в XIX в. Объяснено это может быть тем, что земли Древней Руси, несмотря на многовековое политическое разделение, сохраняли достаточно высокую культурно-информационную связность «поверх» государственных границ. Благодаря этому поддерживалось представление о восточных славянах как о едином «русском народе». По мере нарастания политико-культурного давления со сто-

роны католиков и униатов в православной среде Речи Посполитой получала поддержку идея не только культурно-религиозного, но и политического единства восточных славян, центром притяжения которых становилось Московское государство. В XIX в. после присоединения белорусских земель к России эта идеология окончательно оформилась в виде западнорусизма.

Утверждение о том, что восточнославянские земли в значительной степени сохранили культурно-информационные связи после распада киевской государственности, опрокидывает ставшую традиционной схему национального генезиса белорусов. Эта схема напрямую увязывает формирование белорусов как самостоятельной культурно-исторической общности, обособленной от остальных восточных славян, со становлением Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Здесь срабатывает логика так называемого «государственнического» детерминизма, когда формирование тех или иных национальных групп ставится в прямую зависимость от государственных образований, существовавших на данной территории в тот или иной период. Однако европейская история знает немало примеров, когда культурно-информационные пространства, на основе которых формировались национальные общности, далеко не всегда совпадали с реальными политическими границами. Наиболее яркими примерами здесь являются Германия и Италия, земли которых на протяжении столетий оставались политически раздробленными и объединились в национальные государства лишь в XIX в. Однако, несмотря на политическую децентрализацию, эти земли поддерживали активные экономические, политические и культурные связи. Это обеспечивало интенсивное перемещение людей и информационный обмен и способствовало формированию общенациональной культуры и выработке универсального наддиалектного языкового стандарта. В частности, важным механизмом формирования общегерманского национально-политического сознания стали институты Священной Римской империи. В результате к XVII в. прочность немецких национально-политических связей оказалась таковой, что, несмотря на отсутствие единой государственности, их не смог разрушить даже протестантский религиозный раскол.

Этнополитические процессы на восточнославянских землях имеют немало сходств и особенностей по сравнению с итало-германской ситуацией. Киевская Русь, подобно Священной Римской империи, представляла собой аморфную конфедерацию княжеств, нередко оказывавшихся во враждебных отношениях друг к другу. Тем не менее культурно-политические связи между княжествами, а также наличие таких интегрирующих институтов, как великокняжеский престол и церковь, способствовали формированию на базе восточнославянских племен древнерусской этнополитической общности («древнерусской народности»), обладавшей единым культурно-информационным пространством и универсальным наддиалектным языковым стандартом. Очевидно, если бы Древняя Русь устойчиво развивалась по примерно тому же сценарию, что и Священная Римская империя, эта этнополитическая общность постепенно трансформировалась бы в единую нацию и, таким образом, белорусы, русские и украинцы не сложились бы как отдельные народы (впрочем, на наш взгляд, об их окончательном национальном размежевании нельзя говорить даже сегодня).

Однако геополитическая катастрофа в виде монголо-татарского нашествия обрушила неустойчивую конструкцию Руси и привела к включению отдельных древнерусских земель в новые государственные образования – Великое Княжество Литовское (впоследствии – Речь Посполитую) и Московское государство. Разумеется, новое государственно-политическое размежевание не означало автоматического «умирания» общерусской идеи и формирования новых восточнославянских этнополитических общностей – белорусской, русской и украинской. Еще долгое время и в Москве, и в Вильне Русь рассматривалась как единое этнополитическое пространство,

и оба политических центра вели борьбу за доминирование на этом пространстве. О сохранявшейся в «послекиевский» период политической связанности Руси свидетельствуют многочисленные браки литовских и русских княжеских родов (в том числе московских Рюриковичей), а также регулярные переходы удельных князей со службы на службу – от литовского князя к московскому и наоборот.

Однако Великое Княжество Литовское втягивается в союз с Польшей, что обуславливает постепенное накопление культурно-политических, языковых и мировоззренческих различий между восточнославянским населением Московского и литовско-польского государств. В то время как Московское государство развивалось в направлении монархического абсолютизма, а в политико-культурной области долгое время придерживалось «православно-изоляционизма», в ВКЛ получал развитие феодальный (шляхетский) парламентаризм, а местное «русское» население оказалось культурно открытым западному миру и перенимало многие черты западноевропейского уклада жизни. Накапливались и этноязыковые различия: восточнославянское пространство все отчетливее распадалось на три этнографические зоны.

Но, несмотря на произошедшие изменения, «общерусский» пласт культуры оставался значимым в сознании восточных славян, что способствовало поддержанию образа Руси как некоего культурно-исторического и религиозного единства, а также обеспечивало определенный культурно-информационный обмен между ее политически разделенными частями. Например, М.В. Дмитриев указывает на тесную взаимосвязь культурных процессов в православных традициях, а О.Б. Неменский отмечает значимую роль в политико-культурной жизни Литвы тех, кто бежал от террора Ивана Грозного (в том числе знаменитого князя Андрея Курбского)⁶.

Поэтому нет ничего удивительного, что православная общественность Речи Посполитой, начав испытывать притеснения со стороны католиков и униатов, обратилась за защитой в Москву, апеллируя к идее культурно-религиозного родства восточных славян – русичей.

Вместе с тем накопившиеся культурно-исторические различия между группами восточных славян не могли не осложнить их взаимную интеграцию в рамках Российской империи. С аналогичными проблемами столкнулись также Германия и Италия в ходе своего национально-политического объединения. Историко-культурные различия земель, обусловленные длительной политической раздробленностью, становились существенным препятствием на пути национальной консолидации, порождая многочисленные конфликты и недоразумения. В результате в Италии до сих пор сохраняется заметная напряженность между севером и югом страны, а Германия так и не смогла объединить в своем составе все германоязычные земли: вне немецкого государства остались Лихтенштейн и Люксембург, а также Австрия и германские земли Швейцарии. Кроме того, здесь существовал проект этнокультурного обособления северных групп немцев путем развития самостоятельного (нижненемецкого) литературно-языкового стандарта. (По сути, такого рода обособление произошло в Нидерландах, где местный диалект, близкий к нижненемецкому, развился в самостоятельный литературный язык.)

Во многом сходным образом развивалась ситуация и на восточнославянских землях после их объединения в рамках Российской империи. Так, сторонников западнорусизма можно сравнивать с последователями пангерманской идеи, выступавшими за политическое объединение немецких земель и формирование общего культурно-информационного пространства на основе единого наддиалектного литературного языка (общенемецкий язык сложился на базе верхненемецких диалектов). Подобно пангерманистам, западнорусы выступали за общее для всех восточных славян культурно-информационное пространство, где в качестве общерусского языка признавался литературный язык, сформированный в XVIII–XIX вв. на вели-

корусской диалектной основе дворянской интеллектуальной элитой Москвы и Петербурга. Белорусские и малорусские (украинские) диалекты и местная фольклорно-этнографическая специфика рассматривались сторонниками западнорусизма как региональное своеобразие, органически дополняющее «высокую» общерусскую культуру. Существование самобытных диалектов, заметно отличных от литературной формы, рассматривалось как «богатейший фонд, откуда единый русский язык может освежаться и оживляться еще много веков»⁷. (Модель сосуществования местных диалектов и общенационального литературного языка реализована в современной Германии.)

Однако, подобно немецкой объединительной идее, столкнувшейся с противодействием в виде региональных политических и этнокультурных сепаратизмов, концепция большой русской нации, объединяющей всех восточных славян, встретила со схожей проблемой. Длительная политическая раздробленность Германии обуславливала не только значительные этнокультурные различия между отдельными землями, но и множественность региональных центров силы, не желавших жертвовать политической самостоятельностью ради общенемецкой консолидации. Известно, что объединение Германии проходило под эгидой Пруссии. Однако у «прусской» модели объединения нашлось немало оппонентов. Германо-швейцарцы господству Пруссии предпочли швейцарскую конфедерацию. Австрия, длительное время конкурировавшая с Пруссией за лидерство в общенемецком объединении, также не была интегрирована в прусский объединительный проект. Наконец, Нидерланды, успешно реализовав собственный политический проект, связанный с освоением морских коммуникаций и построением трансокеанической империи, в отличие от других нижне-немецких земель, сохранили не только политическую, но и лингвистическую самостоятельность.

Аналогичным образом у общерусского объединительного проекта под эгидой Москвы и Петербурга в Беларуси и Украине нашлись свои оппоненты, причем эти оппозиционные настроения могли проявляться в разных формах. Наиболее умеренный вариант не предполагал отказ от идеи общерусского единства, однако требовал более либеральной организации политического союза восточных славян с учетом культурно-исторических особенностей отдельных земель. Подобные взгляды содержатся в статье историка Н.И. Костомарова «Две русские народности»⁸. Автор высказывается в пользу политико-культурной автономии «Южной Руси» (т. е. Украины), вместе с тем признавая, что и малорусы, и великорусы равно являются русскими народностями и должны жить в одном государстве, а литературная обработка «малорусского» языка не должна препятствовать общению между этническими группами восточных славян и разрушать «общерусское» культурно-информационное пространство. Несмотря на то что автор пишет о малорусах и великорусах, его выводы могут быть также распространены на Беларусь и белорусов.

Однако постепенно многие общественно-политические деятели Беларуси и Украины от этой умеренной позиции, которую можно охарактеризовать как автономизм или региональный патриотизм, склоняются к более радикальному переосмыслению отношений между восточными славянами. Увлечение народной этнографией и фольклористикой, региональной историей, народными наречиями зачастую сопровождалось разочарованием в российской государственности. Российская империя, будучи одним из самых консервативных государств Европы, сохранявшим многие элементы архаичной средневековой структуры (крепостное право, сословное неравенство, отсутствие парламентских институтов), становилась объектом нарастающей критики со стороны либеральной интеллигенции, настаивавшей на социально-политических и экономических преобразованиях по модели западных стран. Кроме того, в Россию проникали радикальные социа-

либеральные идеи, ориентированные на революционные преобразования и тотальный слом старой системы. Значимой силой, подрывавшей легитимность российской монархии, стало народничество, целью которого являлась политико-экономическая эмансипация крестьянского сословия, составлявшего подавляющее большинство населения империи. В этих условиях вполне закономерным было разочарование части белорусско-украинской интеллигенции в идее национально-политической консолидации восточных славян вокруг России. Россия начинает восприниматься как отсталое и депрессивное государство-угнетатель. В качестве альтернативы российскому господству выдвигается идея национально-политического суверенитета, основанная на этнокультурной своеобразии белорусов и украинцев, а также на предшествующей государственной традиции, не связанной с Россией (для Украины это казацкая Гетманщина, для Беларуси – Великое Княжество Литовское).

Особенностью белорусского национального движения в сравнении с украинским было то, что в белорусском присутствовали многие изначально «нерусские» элементы, тогда как украинское движение «выросло» из малорусского регионального патриотизма. Сильным и всеохватывающим польским влиянием в Беларуси объясняется тот факт, что значительную часть кадрового резерва белорусского движения составляла мелкая католическая шляхта, которая, находясь под польским культурным влиянием, сохраняла тесную связь с крестьянской средой и в силу этого могла проникнуться идеей национально-политического освобождения белорусского крестьянства. Учитывая политико-экономическое значение в Беларуси польской аристократии, белорусское движение обрело не только антироссийский, но и антипольский характер. Не случайно в пьесе Я. Купалы «Тутэйшыя» экзистенциально враждебные белорусам силы представлены в образе русского и польского ученых-этнографов, обосновывающих «исконную» принадлежность Беларуси России и Польше соответственно.

Еще одной специфической группой, примкнувшей к белорусскому движению, стала часть униатов, которая, формально перейдя в православие после 1839 г., не приняла общерусскую идентичность. Отметим, что белорусское униатство внутренне не было однородным. Значительная часть униатов сохранила историческую «русскую» идентичность и стремилась избавиться от авторитарной опеки католической церкви, влекшей за собой латинизацию обрядов и национально-культурную полонизацию. Именно эта часть униатов стала локомотивом процесса слияния унии с Русской Православной церковью, а также кадровым резервом для западнорусского направления: многие сторонники западнорусизма были потомками воссоединившихся с православием униатских священников. В то же время уния, несомненно, способствовала отчуждению многих униатов от русского православия и сближению их с польско-католической культурой. Однако ассимиляция унии польским католицизмом так и не была доведена до логического завершения, а в рамках Российской империи начался обратный процесс обособления униатов от католиков. Вместе с тем после формальной ликвидации унии так и не удалось полностью преодолеть отчуждения, которое существовало между православными и униатами. Как следствие, в среде воссоединенных униатов начинает развиваться национальная идея, построенная на противопоставлении себя как полякам, так и русским. В этой связи весьма показательным представляется мотив униатства как «национальной» веры белорусов, ярко проявившийся в филиппиках Кастуся Калиновского и впоследствии ставший характерным для белорусского национализма.

Таким образом, в XIX в. в Беларуси сформировались две версии национальной идентичности: западнорусизм, поддерживаемый сторонниками национально-политической консолидации восточных славян вокруг Российской империи, и белорусский национализм, возникший в среде, разочаро-

ванной российским политико-культурным доминированием или не принявшей его. Эти национально-политические идеологии, будучи взаимоисключающими по своим установкам, оказались в состоянии острой конкуренции и вражды.

Существенные коррективы в ход этого противостояния внес советский период. В своей позиции по национальному вопросу большевики руководствовались классовой теорией, перенося концепцию классовой борьбы и на национальные отношения. Как и классы, нации подразделялись большевиками на угнетаемые (т. е. объекты колониальной эксплуатации) и угнетающие (империалистические нации, эксплуатирующие колонии в своих эгоистических интересах). В связи с этим национальные движения «угнетаемых» наций оценивались как прогрессивные и ориентированные на социалистическую революцию, поскольку основной задачей таких движений является устранение капиталистической эксплуатации со стороны «наций-угнетателей». Соответственно национализм «угнетающих» наций был в большевистской трактовке ничем иным, как явлением сугубо реакционным, направленным на поддержание и укрепление колониальной эксплуатации. Исходя из этого, задачей социалистической революции являлась поддержка национальных движений угнетенных народов и борьба с реакционным национализмом империалистических наций. Применительно к бывшей Российской империи данная схема выглядела так: существует единственная «угнетающая» нация – великорусская, которая притесняет и эксплуатирует все остальные народности. Согласно этой схеме основной задачей большевиков становилась борьба с русским «великодержавным шовинизмом» и стимулирование национального развития «угнетенных» народностей (разумеется, в рамках советской социалистической федерации). Советский Союз рассматривался ранними большевиками как прообраз будущей мировой социалистической федерации: свободного объединения национальных республик, связанных общими социально-политическими идеалами и социалистическим (впоследствии – коммунистическим) способом производства. Создание социалистического государства, в котором «угнетенные» народности получили свободу национального развития, по мысли большевиков, должно было стимулировать развитие освободительного движения угнетенных народов во всем мире и, таким образом, приблизить мировую социалистическую революцию.

Данная национальная доктрина закономерно обуславливала поддержку большевиками белорусского национального движения, а также борьбу с общерусской концепцией как проявлением российского «великодержавного шовинизма», направленного на национальное угнетение и ассимиляцию белорусов. В республике разворачивается политика, направленная на форсированную литературную обработку и кодификацию белорусского языка, а также его внедрение во все сферы жизни вместо русского. Несогласные с подобной политикой шельмуются как «великодержавные шовинисты».

Однако в 1930-е гг. оптимистические ожидания «мировой революции» и становления всемирной социалистической федерации сменяются ощущением «осажденной крепости». Мировая революция откладывалась на неопределенный срок, СССР оказался в недружественном международном окружении, что вызвало к жизни доктрину «построения социализма в одной стране». Это требовало выработки чувства общего советского Отечества у граждан СССР и оказывалось несовместимым с дальнейшим стимулированием нациестроительства в союзных республиках. Национальные движения начинают рассматриваться как угроза потенциального предательства и перехода на сторону врага ради решения своих узконациональных задач. Это становится поводом для массовых репрессий в отношении национальных активистов в союзных республиках. Политика по стимулированию национальных идентичностей сменяется мерами, направленными на формирование наднациональной политической общности – советского народа.

В отношении русских, украинцев и белорусов, в совокупности составлявших абсолютное большинство населения СССР, идея общего советского Отечества дополняется мотивом особой исторической и этнокультурной близости восточных славян, обуславливающей их государственно-политическое единство. Так возникает доктрина «трех братских народов», которая, не пересматривая официально признанный советской властью статус белорусов и украинцев как отдельных народов, берет на вооружение значительную часть идеологического инструментария западнорусизма.

В условиях централизованного управления резко возрастает роль русского языка как универсального средства коммуникации, что приводит к переориентации большинства белорусов на русскоязычную культуру. На наш взгляд, это было обусловлено как внутренней слабостью и незрелостью белорусскоязычной традиции, которая не смогла выработать форм «высокой» культуры, способных конкурировать с русской культурой, так и остаточным влиянием западнорусизма, которое «пережило» период белорусизации и получило новый стимул к развитию под эгидой доктрины «трех братских народов».

После распада СССР конфликт между «пророссийскими» и «национально ориентированными» силами (представленными преимущественно гуманитарной интеллигенцией, занятой в сфере воспроизводства и развития белорусскоязычной традиции и не удовлетворенной степенью ее востребованности обществом) вспыхнул с новой силой. Период 1991–1994 гг. характеризовался политико-идеологическим доминированием «национальных» сил, стремившихся распространить на все белорусское общество свои политико-идеологические и национально-культурные воззрения. После 1994 г. и по настоящее время верх снова взял «пророссийский» тренд, связанный с ориентацией на политико-экономический союз с Россией и воспроизводством сложившегося еще в БССР культурно-языкового баланса, который характеризуется доминированием русского языка в большинстве сфер жизни общества.

На сегодняшний день конфликт между сторонниками альтернативных концепций национально-политического самоопределения Беларуси находится в латентном состоянии, но не снят с повестки дня. Очевидно, что в «национально ориентированной» среде зреют реваншистские настроения, обусловленные неудовлетворенностью сложившейся в Беларуси политической и культурно-языковой ситуацией. В определенный момент это может привести к новому витку политико-идеологического противостояния в стране.

Выход из сложившейся ситуации может быть найден путем ценностной релятивизации как «пророссийского», так и «национального» дискурсов и отказа от идеи монополии какого-либо из них в белорусском обществе. Отказ от такой установки позволит минимизировать конфликтный потенциал между различными моделями идентичности и обеспечить их мирное сосуществование. Это предполагает признание множественности культурных традиций как естественного атрибута белорусского общества, находящегося на стыке геополитических блоков, культурно-цивилизационных и религиозных ареалов.

Такая трактовка не предполагает разделения белорусского общества на относительно замкнутые группы, жестко придерживающиеся каждая «своей» традиции. Речь идет о ситуации, когда каждый индивид вовлечен в две и более культурные традиции, что позволит поддерживать внутреннюю связность белорусского информационного и коммуникативного пространства. По сути, такая ситуация во многом наличествует уже сейчас, когда большинство граждан существует на стыке белорусско- и русскоязычного пространств.

Признание внутренней неоднородности культурного пространства Беларуси предполагает выстраивание принципиально нового образа страны, по-

звляющего сформировать целостное представление о разнообразии культурных традиций и о причинах возникновения этого разнообразия. В частности, преподавание истории, культуры и литературы Беларуси в школах и вузах должно быть организовано таким образом, чтобы учащиеся получили возможность ознакомиться с альтернативными версиями белорусской национально-культурной идентичности. При этом выбор (или невыбор) в пользу той или иной модели идентичности должен оставаться за индивидуумом.

Подобная ситуация может быть описана в соответствии с концепцией транскультуры, выдвинутой философом и культурологом М. Эпштейном⁹. Согласно этой концепции, культура (и соответствующая ей национальная идентичность) не является неким врожденным и неизменным свойством индивида: человек волен «путешествовать» в разных культурных пространствах и формировать свою идентичность путем синтеза и микширования традиций, принадлежащих нескольким национальным культурам. Транскультура – это ситуация нахождения на перекрестке культурных миров, одновременной вовлеченности в несколько культурных пространств. Как представляется, транскультурность выступает имманентной характеристикой Беларуси, веками существовавшей на цивилизационном пограничье, и именно поэтому одновременная вовлеченность в две и более культурно-языковые традиции является здесь нормальной ситуацией.

¹ См.: Leshchenko N. // Nations and Nationalism. 2004. № 10 (3). P. 333–352.

² См.: Буховец О. Г. // Современная Европа. 2009. № 3. С. 73–85.

³ См.: Мельник В. А. // Беларуская думка. 2004. № 10. С. 145–153.

⁴ См.: Трещенок Я. И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 22–24 мая 2001 г.): в 2 ч. Мн., 2002. Ч. 1. Кн. 2.

⁵ См.: Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Вильна, 1899. С. 197–204; Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. С. 302–333; Записки Иосифа, митрополита Литовского: в 3 т. СПб., 1883. Т. 1. С. 49–274.

⁶ См.: Дмитриев М. В. Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий // Белоруссия и Россия: история и культура: Ежегодник. М., 2003. С. 9–22; Неменский О. Б. «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности // Золотой лев. 2009. № 217–218. С. 12.

⁷ Кулаковский П. Русские сепаратизмы // Окраины России. 1912. № 2. С. 17.

⁸ См.: Костомаров Н. И. Две русские народности // Основа. 1861. № 3. С. 33–80.

⁹ См.: Эпштейн М. Новый вид свободы – транскультура [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://veer.info/59/epst_tra.html. Дата доступа: 14.12.2010.

Поступила в редакцию 11.11.10.